

В данной статье мы стремились использовать для иллюстрации процессов адъективации лишь те причастные единицы, которые способны к преобразованиям, в противном случае анализ их в терминах шкалы переходности теряет всякий смысл.

Язык, безусловно, богаче всяких схем, и явления переходности про­ нзывают всю его систему, скрепляя отдельные ее звенья, а наша статья вносит скромный вклад в изучение одного из самых сложных вопросов переходности — вопрос об адъективации причастий.

Литература

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. — М.: Дрофа, 2000.
2. Баудер А.Я. Части речи — структурно-семантические классы слов в современном русском языке. — Таллин, 1982.
3. Бахарев А.И. Адъективация причастий в историко-теоретическом освещении: Автореф. дис... канд. филол. наук. — Саратов, 1972.
4. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. — М.: Просвещение, 1976.
5. Виноградов В.В.. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Исследования по русской грамматике. — М.: Наука, 1975.
6. Иванникова Е.А.. О так называемом процессе адъективации причастий // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. — М.: Наука, 1974.
7. Капакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском языке. — М.: Наука, 1971.
8. Лопатин В.В. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // ВЯ. — 1966. — №5.
9. Лукин М.Ф. Морфология современного русского языка. — М.: Просвещение, 1973.
10. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке. — Бельцы, 1971.
11. Сазонова И.К. Причастия в системе частей речи и лексико-семантическая деривация // ВЯ. — 1975. — №6.
12. Сазонова И.К. Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический словарь. — М.: Русский язык, 1989.
13. Сидоренко Е.Н., Сидоренко И.Я. Диахронный и синхронный аспекты переходности в системе частей речи и контаминантов. — Симферополь, 1993.
14. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. — М.: Изд-во МГУ, 1968.
15. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.А.. Краткий этимологический словарь русского языка. — М.: Просвещение, 1971.
16. Этимологический словарь русского языка. — Т.П. — Вып. 6/Под ред. Н.М.Шанского. — М.: Изд-во МГУ, 1975.

М.В. ФЕДОРОВА
г. Белгород

БЕЛГОРОДСКИЕ ФАМИЛИИ МОДЕЛИ ЧЕРНЫХ

Русские фамилии типа *Черных* были отмечены проф. П.Я. Черных в Сибири в середине прошлого века, он назвал их сибирскими. В России

широкая работа по ономастике, включая антропониимику, была начата лишь с середины прошлого века — после окончания Великой Отечественной войны. В связи с изучением антропонимов в поле зрения собирателей попадали фамилии разных регионов, более расположенных севернее Москвы; в последних тоже были отмечены фамилии модели *Черных*. Имея в виду отмеченные в Сибири фамилии такого рода, С.И. Зинин — автор первой обобщающей работы по русским антропонимам — писал „Фамильные прозвания с суффиксом *-их* не встречаются в южных, западных и центральных городах России. В переписных книгах фамильные прозвания с суффиксом *-ых* встречаются только при именовании группы лиц: Андрей да Петр, да Савелий Иванова дети Сивковых, 1678 (Рязань). Фамильные прозвания с суффиксом *-ых* встречаются в ХУП-ХУШ вв. только в районах севера Сибири” [Зинин, 1972, 188].

В том же 1972 г. была издана в Лондоне книга Б.О. Унбегауна „Русские фамилии”, вышедшая в русском переводе в 1982 г. [Унбегаун, 1989]. Опорным источником материала для Б.Унбегауна послужила адресная книга „Весь Петербург, 1910” [Унбегаун, 1989, 5], использовались и другие источники, чаще — северного региона. При группировке фамилий по финалям Б.Унбегаун выделяет группу фамилий и на *-их/-ых*, причем говорит: „Несклоняемые фамилии на *-их/-ых* представляют собой застывшую форму прилагательного родительного падежа множественного числа...” [Унбегаун, 1972, 116]. С.И. Зинин прав, говоря о том, что фамилия модели на *-их/-ых* позволяла точно указать на род или семью, к которым принадлежал носитель имени. Кроме того, по его мнению, еще в ХУП в. такие фамилии „имели исходную форму род. падежа множ. числа, которая в результате субстантивации закрепилась, как фамильная модель” [Зинин, 1972, 188].

В разных разделах книги Б.Унбегауна приводится около 100 фамилий рассматриваемой модели, вопроса о „южных” фамилиях такого вида он не касается. Вместе с тем оба автора не обратили внимания на книгу Е.П. Карповича (1886 г.), который пишет: „Среди донских казаков вместо окончания *-ской* употребляется окончание *-сков*, напр., вместо *Днепровской* — *Днепровсков.*, а в Сибири *-ых* и *-ских*, например *Иван Бледных*, *Василий Еловских* и т.д. [Карпович, 1886, 135]. Фактический материал по южнорусским антропонимам пока находится в стадии собирания и первичного описания, причем в публикациях показываются фамилии наиболее распространенных моделей, особенно с финалями *-ов/-ев*, *-ин/-ын*, *-ский*. Цель предлагаемой статьи — показ некоторой части южнорусского материала, связанного с фамилиями типа *Черных*. Приведем ряд фамилий, зафиксированных в кафедральной картотеке Белгородского университета.

Альяных	Седых	Красноруцких
Банньих	Красных	Серых
Безбородых	Кудреватых	Смецких
Безруких	Кузьминых	Смирных
Белых	Кучерявых	Скорых
Бердянских	Легких	Солодких
Беспамятных	Лесных	Страшных
Бледных	Лысых	Сухих
Борзых	Марковских	Терновых
Валуйских	Мастерских	Терских
Великих	Маючих	Флигинских
Везовских	Московых	Фоминых
Галуцких	Мягких	Хамяцких
Гладких	Набережных	Ходячих
Глухих	Немых	Хромых
Голобоцких	Нужных	Хороших
Голубоцких	Пашетных	Целых
Горбатских	Персидских	Чалых
Дюжих	Плохих	Часовских
Заздравных	Погожих	Чепурных
Заруцких	Рябых	Черных
Землянских	Рядных	Чудных
Калакуцких	Савецких	Шиловских
Карих	Сагайдачных	Широких
Климовских	Самородских	Шумских
Коротких	Сашиных	Ярных

Наиболее часто повторяются в разных районах области фамилии *Черных, Сырых, Серых, Белых*. Производящие основы таких фамилий чаще всего являются русскими/восточнославянскими, иногда финальный суффикс следует за суффиксом *-ин*, как в *Кузьминых*; иногда он завершает фонетически украинскую базу, как в *Маючих*. Фамилия *Валуйских* свидетельствует о местных жителях (р. Валуй, г. Валуйки в нашей области); иногда можно говорить о ближних переселенцах — *Землянских* (г. Землянск — неподалеку, в Воронежской обл.). Более удален г. Бердянск (Украина) — *Бердянских*. Фамилия *Красноруцких* может быть результатом народно-этимологического сближения — при с. Краснокутск в Харьковской обл. Украины (Белгородская область непосредственно соседствует с Харьковской). Фамилии интересующей нас модели отмечены также у ряда жителей Воронежской области — *Аржаных, Бесчеревных, Деревенских, Дешевых, Коротких, Терских, Черных* и др.; есть подобные в Липецкой и Курской областях.

Наш небольшой материал (около 100 из 12 тыс. фамилий белгородцев) позволяет снять *противопоставление южнорусских областей севернорусским*; массовость фамилий на *-их/-ых* в Сибири количественным материалом пока не подтверждена.

В книге Б. Унбегауна фамилий рассматриваемой модели дано около 100 — это тоже немного. Образование такой антропомодели и С. И. Зинин,

и Б. Унбегаун связывают с субстантивацией одной из форм прилагательных. Немногочисленность фактов [Щетинин 1994] и необычность результата субстантивации разрешают обратиться к данным по языкам старых соседей восточных славян, но в литовском, мордовском, коми языках подобных фамильных образований нет. Если это так, то интересующая нас модель является 1) древней, 2) непродуктивной, 3) восточноевропейской. Значит, не исключена возможность найти ее истоки на южнорусских землях.

Здесь с древнейших времен обитали славяне, что отражено в стабильности гидронимов на *-ец*, именно в южнорусских областях: *Пселец* — к *Псел*⁴, *Донец* — к *Дон*, *Осколец* — к *Оскол*, причем название *Донец* имеют и около 20 небольших рек. Южнорусские области располагаются на Среднерусской возвышенности; грубо ограничиваем ее наиболее высокими холмами Белгорода, Курска, Липецка, Воронежа⁵. Именно этот сравнительно небольшой участок Восточной Европы не был закрыт ледником [Александров-Липкинг, 1971, 14], а потому служил убежищем древнейшим южанам из стран Средиземноморья⁶, особенно после огромного наводнения в связи с таянием ледникового панциря в Европе. Принесенные остатками „ноевых ковчегов” или иначе люди разных племен здесь создали зону общего обитания, а постепенно выработали и общий язык, который мы условно называем *праадыгским*. Об этом свидетельствуют 1) название реки *Псел*, 2) „Курская Венера” эпохи палеолита [Александров-Липкинг, 1971, 19] с типичными для юга антропологическими чертами. Сюда, на Среднерусскую возвышенность (далее СРВ) позднее приходили с востока предки современных финно-угров и индоевропейцев [Леман, 1991]. Праадыги на СРВ совсем (или почти совсем) не имели женщин, а потому разрешали пришельцам с востока селиться рядом и брали от них женщин. Такое совместное обитание подтверждается лексическими данными, следовательно, оно длилось более тысячелетия.

При постепенном увеличении населения на СРВ и при постепенном уменьшении заводненности Восточной Европы старшие поколения долго оставались на СРВ, а младшие поколения постепенно расходились — в поисках удобных мест обитания [Федорова, 1999]. Были и какие-то столкновения, древнейшее из которых связано с тем, что „ангро-майня” (то есть

⁴ *Псел* — от каб. и адыгейск. Псы «вода/река», отметим р. *Бзыпта* в Рязанской обл. при абхаз. *Бзыбь*.

⁵ Это зона Курской магнитной аномалии с особыми геотектоническими процессами.

⁶ Это были арабы, иудеи, сирийцы, хатты, картвелы и люди других этносов. Они попали севернее через восточное побережье Черного моря. Спасшиеся в восточной части Кавказа (Дагестан) не могли продвигаться севернее. Трудно сказать точнее о причинах этого, но важно то, что здесь горы почти вплотную примыкают к Каспию, причем западное побережье моря как-то — сразу или медленно — опускалось. „Каспийское море... лежит на 28,5 м. Ниже уровня Мирового ок. [ЭСГН. 303] (по данным 1969)... Северную часть Каспия окружает Поикаспийская низменность, южная часть которой лежит ниже уровня океана на 28 м. [ЭСГН. 528].

угры) вытеснили из Придонья предков индо-иранцев [Иванов, Топоров, 1960, 14]. Так или иначе, но из СРВ ушли и предки итало-романцев, германцев, кельтов, к северу отошли балты, к северо-востоку и Приволжью — финно-угры, хотя языковые следы каждого из этих этносов или этнических групп оставили определенный след в лексике и ономастике Восточной Европы. Полагаем, что в этом расхождении играли значительную роль различные вторжения, особенно поход Дария в У в. до н.э.

Возвращаясь к основной теме нашей статьи, скажем о том, что на СРВ с древнейших времен обитали предки адыгов. Их потомки участвовали в составе, разнотнических групп при их расхождении. Выделим один поток движения людей к юго-западу: это движение части адыгов, имевших прежде всего славянских женщин. Так образовалась абхазско-абазинская ветвь адыгов, прошедшая „подсохнувшие” земли современной Украины (здесь славянская материнская речь) и пришедшая к морю.

На Среднерусской возвышенности разнотническое общество долго продолжало существовать. Здесь — с эпохи палеолита — был огонь, знали кур, овец, голубей, на осушавшихся землях начали полеводство, а позднее, уже в историческую эпоху, земли СРВ и прилегающие к ним имели управление не только в своем племени, но и в союзах племен.

Древнерусские тексты называют ряд различных народов южной части Восточной Европы — касогов, ясов, албан и др. [Попов, 1973, 133-140]. Некоторые этнонимы получили этимологическое объяснение, другие же используются почти произвольно (половцы, хазары и др.). В отношении интересующей нас темы отмечаем, что термин *адыгышы* используем как общий для более краткого именованя тех народов, которые в наше время составляют северо-западно-кавказскую семью языков⁷. Часть современных авторов в таком же расширенном смысле использует термин *черкесы* [Хотко, 1999]. Для понимания сущности рассматриваемого нами вопроса заметим, что разделение древних адыгов происходило медленно, причем их группы в разных местах имели и могли иметь разные наименования.

Для нас важно, что восточные славяне знали прежде всего *касогов*; название это имеет яское (древнеосетинское) происхождение. От него позднее и этноним *казаки*, звучавший уже в старорусский период.

Этноним *касоги* может иметь, кроме предлагаемых, другое толкование — связанное с венг. /угорским⁸ *kozosseg* „коллектив, общество”, или

⁷ Эту семью образуют адыгейский, кабардино-черкесский, абхазский, аджарский, убыхский языки.

⁸ Слово *угры* имеет множество толкований. Предлагаем еще одно — при старо-каб. *он, он-гоб* „бить”, совр. *уж*. У славян оно дало *у*, р адыг. суффикс деятеля: *уэр* — „бьющий/воинственный”. Это те же *ангро-майнья* из иранских источников, которые говорят об этих людях, как об очень плохих, а жилища их нужно уничтожать. С протетическим *в* слово *венгр* позднее получило широкое распространение. Воинственность венгров отмечает Л.Нидерле.

kozsegi „сельский”, то есть имеющий селения. При венг. Ши „село” могло появиться и более позднее *половцы* (слав. „л” вместо „f”) — тоже „имеющие селения”, то есть не бродячие группы собирателей и охотников. Так мы подходим к пониманию заселения СРВ. Вместе с тем общего названия для живших здесь — несколько позднее — славян, кажется, нет. Впрочем, опираясь на название Северского Донца и племени северян, можем предположить тоже венг. *zřives* „приветливый”, *zřivelnı* (при мене л - р) „хорошо относиться”. Таким образом, Донецко-Донское сообщество разноэтничных ветвей действительно существовало, имело селения и жилища. Однако общего названия этого сообщества не было, назовем его условно *Донским*. Оно охватывало полосу лесостепи приблизительно от Брянска к Орлу — Воронежу — Рязани^{9**}. Тут полоса древних угорских, саамских, славянских германских, мордовских языковых фактов. Возвышение Москвы было более поздним. К северу несколько продвинулись и славяне, и адыги. В последнем случае показательно название р. *Зуша* в Орловской обл. при каб. *занше* „прямой” (течение реки меридианально), у славян *ан* через ступень носового дало *у*. В Москве бывшее с. Ваганьково от убых. *ваган* „дуб”, а слово *ваган* как изделие из дерева отмечено во всех и.-е. языках [Фасмер, 1964, 264].

Изложенное показывает, что этноним *касог* является очень древним. Потомки этих старых касогов жили достаточно содружно с юго-восточными славянами (русью) и позднее принимали участие в создании защитных полос от набегов с востока и затем — с юга, от крымско-ногайских отрядов, союзных с Турцией [Загоровский, 1969].

Именно такие древние связи оставили различные языковые следы в речи юго-восточных славян, мордвы, коми, балтов [Федорова, 1998; 1976]. У нас, в южнорусских областях, к числу таких следов относятся и фамилии типа *Черных*. Б.М. Карданов, характеризуя словообразование прилагательных, приводит слова с суффиксом — хъу: *жьэ́хъу* „грубый, горластый” — от *жьэ* „рот”, *макьыхъу* „горластый” от *макь* „голос, звук”, *фызыхъу* „грубая, мужиковатая женщина” от *фыз* „женщина”, замечая, что это тип непродуктивен [Карданов, 1955, 1008].

В словаре Б.М. Карданова и А.Т. Бичоева находим ряд слов, прямо перекликающихся с русскими фамилиями типа *Черных*, имея в виду, что каб. графемы *ху, хъу* обозначают один согласный звук (конофом [Федорова, 1998, 67-70]), который для славян был неуловим: *сырыху* „русый, блондин” *яцыху* „известный”, *ятіэху* „мел”, *цхьэфэху* „плешивый”. Дж.Н. Коков приводит (с русской транслитерацией) следующие каб.-черк. фамилии: *Анажых(ов)*¹⁰, *Баламих, Бжых, Бляних, Билимих, Дзамых, Егалих, Евтых, Кара-*

⁹ Предки угров пришли в Восточную Европу еще при большом ее заводнении: об этом говорят предания обских угров, особенно ханты в легенде о герое Тохтанге, который для людей добыл землю со дна моря.

¹⁰ Далее суффикс *-ов* опускаем

салих, Кабжсх, Коних, Лих, Пишибх, Одих. [Коков, 2001].

Этот ряд показывает, что для адыгов такие образования были известны с древности, причем часто были связаны с моделью создания прилагательных, которая давно уже стала непродуктивной, но отразилась в речи древней юговосточной части славян.

Фамилии модели *Черных*, принадлежащие современным жителям Белгородчины, совокупно с другими материалами позволяют говорить о том, что следует принять мнение о древнем обитании адыгов/касогов не на Украине [Максидов, 2000, 67], а в зоне Среднерусской возвышенности, откуда лишь намного позднее адыги пришли на Северный Кавказ.

Закключаем статью следующими положениями.

1). Модель типа *Черных* является очень древней.

2). Она сложилась в Донецко-Донском регионе при существовании здесь длительного сожительства различных этических групп, из которых постоянно взаимодействовали адыги и славяне.

3). Из этого региона постепенно расходились различные коллективы — по мере осушения земель после большого заводнения, связанного с таянием ледника. Следы палеолита есть на Среднерусской возвышенности, на Северном Кавказе их нет.

Литература

1. Александров-Липкин Ю.А. Далекое пошлое соловьиного края.— Воронеж, 1971.
2. Загоровский В.П. Белгородская черта.— Воронеж, 1969.
3. Зинин С.И. Введение в русскую антропонию.— Ташкент, 1972.
4. Иванов В.В., Топоров В.Н. Санскрит.— М., 1960.
5. Карданов Б.М. Краткий грамматический очерк кабардино-черкесского языка // Б.М.Карданов, А.Т.Бичоев. Русско-кабардино-черкесский словарь / Под ред. А.О.Щогенцукова.— М: ГИИНС, 1955.
6. Карпович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими.— М.: БИМПА, 1991 (по изданию 1886 г.).
7. Коков Дж.Н. Словарь кабардино-черкесских фамилий // Дж.Н.Коков. Избранные труды.— Т. II.— Нальчик: Эльбрус, 2001.
8. Леман В.П. Новое в индоевропейстических исследованиях // ВЯ.— №4 и 5.— М., 1991.
9. Максидов А.А. Касожский князь Редедя: реальности летописного сюжета. // Россия и Кавказ. П Международ. генеалогический коллоквиум.— №1.— Нальчик: Эльбрус, 2000.
10. Попов А.И. Названия народов СССР.— Л., 1973.— С.133-140.
11. Унбегаун Б.О. Русские фамилии.— М.: Прогресс, 1989.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.— Т.1.— М.: Прогресс, 1964
13. Федорова М.В. Донецко-Донская Русь и заселение Восточной Европы // Этюды по истории и культуре адыгов.— Вып.2.— Майкоп, 1999.
14. Федорова М.В. Онимы Белгородской области. // Научные ведомости БГУ.— №2 (7).— Белгород, 1998.
15. Федорова М.В. Славяне, мордва и анты.— Воронеж, 1976.
16. Федорова М.В. Слово-звук-слово. Стафоны и конфоны в народной интерлингвистике // Мат-лы Респуб. научн. конференции.— Белгород, 1998.
17. Хотко С.Х. Имидж черкесов в книге бургундского путешественника первой половины XV века Бертрандона де ла Борквьера // Этюды по истории и культуре ады-

гов. — Вып 2. — Майкоп, 1999.

18. Щетинн Л.М. Фамилии донских казаков // Русская ономастика и ономастика России / Под ред. О.Н. Трубачева. — М.: Школа-Пресс, 1994.
19. Энциклопедический словарь географических названий / Под ред. С.В. Колесник. — М.: Сов. энцикл., 1973.

Е.Г. ФОМЕНКО

г. Запорожье

СТРУКТУРЫ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В „ДЖАКОМО ДЖОЙСЕ” ДЖ.ДЖОЙСА

В настоящей статье рассматриваются текстовые структуры, формирующие авторское мироотношение в виртуальном мире художественной реальности [Корман, 1974, 219]. Объектом изучения является авторское сознание, модальность которого дает ключ к взаимодействию целого и его частей [Ноздрина, 1997, 40].

Авторское сознание прослеживается в процессах персонализации (сфера действия лирических героев) и епифанизации (макроструктурное моделирование) в Джакомо Джойсе Джеймса Джойса [Джойс, 1982]. Применение в этом тексте техники отражения в сознании и расщепления времени [Ауэрбах, 2000, 456] усложняет поиск модальных ключей.

Интересным является решение проблемы авторского присутствия в повествовании: постоянное возвращение к глагольным формам настоящего времени, подчеркнутая эллиптичность синтаксических конструкций, повторяемость бессоюзного сочинения, постоянные смены детерминативов, движение ассоциативных потоков, смена точек зрения и эмоционального тона и т.п. Авторское сознание человека с ясным умом восстает против субъектного сознания человека-массы [Ортега-и-Гассет, 1991, 189], которому принадлежит лирическая она. Процесс епифанизации, прослеживаемый во всем тексте и придающий ему целостность, ведет к высшей степени восприятия, прозрения, вскрывая цикличность в отдельной жизни (детство, юность и зрелость) и в истории человечества (Христос, Данте, Шекспир, Джойс). Епифанизация строится, в соответствии с Фомой Аквинским, тремя восходящими ступенями: цельность (*integritas*), гармония (*consonantia*) и прозрение (*claritas*). Авторское сознание действует в не характерном для Джойса континентальном топосе (Ирландия в подтексте), где сближаются, во многом соприкасаясь, сознание автора и его лирического я. Начало тонкой ассоциативной игре положено заглавием, многозначным, по сути. Авторское сознание избирает шутливый тон по отношению к маске Jamesy — субъективного сознания молчаливого среднего возраста, шантажируемой чужой молодостью. Персонализация лирических героев в авторском сознании зиждется на оппозиции человек-масса (она и ее окружение) и человек с